

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

КАК ВЫГЛЯДИТ ФИРМА «Я. МИНЦЕЛЬ И С. ВОКУЛЬСКИЙ» СКВОЗЬ СТЕКЛО БУТЫЛОК

В начале 1878 года, когда политический мир был озабочен Сан-Стефанским договором, выборами нового папы либо степенью вероятности европейской войны, варшавское купечество, а также интеллигентские круги одного из кварталов Краковского Предместья не менее горячо интересовались будущностью галантерейного магазина фирмы «Я. Минцель и С. Вокульский».

В широко известной ресторации, куда по вечерам сходились закусить владельцы бельевых магазинов и винных подвалов, хозяева шляпных и экипажных мастерских, почтенные отцы семейств, живущие доходами с капитала, и досужие домовладельцы, столь же часто обсуждался вопрос вооружения Англии, сколь и дела фирмы «Я. Минцель и С. Вокульский». Склонившись над бутылками темного стекла, обитатели этого квартала, окутанные густым сигарным дымом, бились об заклад: одни — выиграет Англия или проиграет, другие — обанкротится Вокульский или нет, одни называли Бисмарка гением, другие — Вокульского авантюристом; одни критиковали деятельность президента Мак-Магона, другие утверждали, что Вокульский — явный безумец, если не хуже...

Лучше остальных знали С. Вокульского пан Деклевский, владелец каретных мастерских, который создал себе состояние и положение в обществе, упорно работая в этой отрасли, а также советник Венгрович, который уже двадцать лет подряд был членом-опекуном одного и того же

6   благотворительного общества; именно они громче всех пророчили Вокульскому разорение.

— Не миновать разорения и банкротства человеку, который не держится одного дела и не умеет ценить милостивых даров судьбы, — говорил Деклевский.

А советник Венгрович при каждом глубокомысленном изречении своего друга присовокуплял:

— Безумец! Безумец! Авантюрист!.. Юзек, подай-ка еще пива. Которая же это по счету бутылка?

— Шестая, господин советник. Сей моментик! — отвечал Юзек.

— Шестая уже? Как время летит! Безумец, безумец! — бормотал советник Венгрович.

Завсегдатаям ресторации, где утолял свою жажду советник, ее хозяину и половым причины бедствий, которым предстояло обрушиться на С. Вокульского и его галантерейный магазин, казались ясны, как пламя газовых рожков, освещавших зал. Причины эти коренились в беспокойном характере, в авантюристическом образе жизни и, наконец, в последнем поступке этого человека, который, имея в руках верный кусок хлеба и доступ в столь приличную ресторацию, добровольно отказался от нее, магазин оставил на произвол судьбы, а сам со всеми деньгами, доставшимися ему после смерти жены, отправился на русско-турецкую войну сколачивать состояние.

— А может, и сколотит... Военные поставки — дельце прибыльное, — ввернул Шпрот, торговый агент, который был тут редким гостем.

— Ничего он не сколотит, — возразил Деклевский, — а тем временем солидное предприятие полетит к черту. На поставках наживаются только евреи да немцы, наши в таких делах ничего не смыслят.

— А может, Вокульский смыслит?

— Безумец! Безумец! — буркнул советник. — Подай-ка пива, Юзек. Которая это?

— Седьмая бутылочка, господин советник. Сей моментик!

— Седьмая уже? Как время летит, как время летит...

Торговый агент, которому по роду его службы 7 требовались всесторонние и исчерпывающие сведения о купцах, пересел вместе со своей бутылкой и кружкой к столу советника и, умильно заглядывая в его слезящиеся глаза, спросил, понизив голос:

— Прошу прощения, но... почему вы, господин советник, изволите называть Вокульского безумцем? Не угодно ли сигарку?.. Я немного знаком с Вокульским. Он всегда казался мне человеком скрытным и гордым. Скрытность в купце — черта отличная, гордость же — недостаток. Однако склонности к сумасшествию... нет, этого я в нем не заметил.

Советник принял сигару без особых знаков признательности. Его румяная физиономия, окаймленная пучками седых волос, в эту минуту напоминала красный халцедон в серебряной оправе.

— Я называю его... — отвечал он, неторопливо обкусывая сигару и закуривая, — я называю его безумцем, потому что знаю его... постойте-ка... пятнадцать... семнадцать... восемнадцать лет... Это было в тысяча восемьсот шестидесятом году... Мы тогда обычно заходили к Гопферу. Знали вы Гопфера?

— Фью!..

— Ну, так Вокульский служил тогда у Гопфера половым, и было ему двадцать с чем-то лет...

— Это в торговле винами и деликатесами?

— Да. И вот как сейчас Юзек, так в ту пору он подавал мне пиво и нельсоновские зразы.

— А потом он из этой отрасли перекинулся в галантерейную? — спросил агент.

— Не торопитесь, — остановил его советник. — Перекинулся, да не в галантерею, а на подготовительные курсы, а потом в университет, — понимаете, сударь?.. В образованные, видите ли, захотелось!

Агент покачал головой, изображая недоумение.

— Вот так так! — протянул он. — И что это ему на ум взбрело?

— Да что! Известно — знакомства в Медицинской академии, в Институте живописи... В те времена у всех в головах невесть что творилось, ну и он не хотел отставать от

8   других. Днем прислуживал посетителям за стойкой и вел счета, а по ночам учился...

— Неважный, верно, был из него работник?

— Не хуже других, — отвечал советник, с неудовольствием махнув рукой. — Только уж очень он, шельма, был нелюбезен; скажешь ему самое безобидное словечко, а он на тебя волком смотрит... Ну уж и потешались мы над ним сколько влезет, а он всего больше злился, если кто величал его «господин доктор». Однажды так нагрубил посетителю, что чуть было не подрались.

— И, конечно, заведению от того убыток...

— Ничуть не бывало! Как только в Варшаве разнесся слух, что слуга Гопфера поступает на подготовительные курсы, народ валом туда повалил. Особенно студенты.

— И он действительно поступил на подготовительные курсы?

— Поступил и даже сдал экзамен в университет. Однако что бы вы думали? — продолжал советник, хлопнув агента по колену. — Не прошло и года, как он, вместо того чтобы довести ученье до конца, бросил университет...

— И за что принялся?

— Вот именно — за что?.. Вместе с другими заваривал кашу, которую мы и по нынешний день расхлебываем, и в конце концов очутился где-то под Иркутском.

— Вот так так! — вздохнул торговый агент.

— И это еще не все... В тысяча восемьсот семидесятом году он вернулся в Варшаву с маленьким капиталцем. Полгода высматривал, чем бы таким заняться, за версту обходя бакалею, которую до сих пор терпеть не может, пока наконец, по протекции своего теперешнего управляющего Жецкого, не втерся в магазин пани Минцель, которая в то время как раз овдовела, и — бац — через год женился на бабе чуть ли не вдвое старше его.

— Это не так уж глупо!

— Еще бы! Одним махом заполучил хороший кусок хлеба и дело, при котором мог бы спокойно трудиться до конца дней своих. Ну, зато и принял же он от этой бабы крестную муку!

— На этот счет они мастерицы...

— Ого-го! — отозвался советник. — Посудите, однако, что значит удача! Полтора года назад баба чем-то объелась и умерла, а Вокульский, отмучившись четыре года, стал вольной птицей, получив в придачу солидный магазин да чистоганом тридцать тысяч рублей, что сколачивали два поколения Минцелей.

— Везет человеку!

— Везло, — поправил советник, — да не сумел он оценить свое счастье. Всякий другой на его месте женился бы на приличной барышне и зажил бы припеваючи; шутка ли сказать, чего стоит в наши дни магазин с солидной репутацией, да еще на таком бойком месте. А этот безумец бросил все и отправился наживать капитал на войне. Миллионов ему захотелось или еще невесть чего.

— Может, и добудет, — отозвался агент.

— Куда там! — раздраженно махнул рукой советник. — Дай-ка, Юзек, еще пива. Вы, сударь мой, уж не думаете ли, что в Турции он найдет бабу побогаче покойницы Минцелей? Юзек!

— Сей моментик! Пожалуйста восьмую.

— Восьмую? — повторил советник. — Быть не может! Постой... Раньше была шестая, потом седьмая, — бормотал он, прикрывая лицо ладонью. — Может, и правда восьмая. Как время летит!

Вопреки мрачным предсказаниям трезвых людей, галантерейный магазин фирмы «Я. Минцель и С. Вокульский» не только не разорился, но даже приносил немалую прибыль. Любопытство публики было возбуждено слухами о банкротстве Вокульского, и люди все чаще заходили к нему в магазин, а с тех пор, как хозяин уехал из Варшавы, за товарами начали обращаться и русские купцы. Заказов становилось все больше, фирма получила кредит за границей, векселя аккуратно оплачивались, и в магазине всегда было полно покупателей, которых с трудом успевали обслуживать три приказчика: один — тщедушный блондин, выглядевший так, будто он вот-вот умрет от чахотки, другой — шатен с бородкой философа и жестами вельможи,

10 и третий — франт, носивший смертоносные для прекрасного пола усыки и благоухающий, как парфюмерная фабрика.

Однако общее любопытство, физические и духовные качества всех трех приказчиков и даже прочно установившаяся репутация магазина вряд ли смогли бы спасти его от разорения, если бы всем предприятием не управлял человек, сорок лет работавший в фирме, друг и заместитель Вокульского, пан Игнаций Жецкий.

Глава 2

КАК УПРАВЛЯЛ СТАРЫЙ ПРИКАЗЧИК

Пан Игнаций уже четверть века жил в комнате при магазине. За это время в магазине менялись хозяева и полы, шкафы и оконные стекла, размах деятельности и приказчики; но комната Жецкого оставалась такой, как была. Все в тот же двор выходило унылое окошко, все с той же самой решеткой, на прутьях которой висела чуть ли не двадцатипятилетняя паутина и уж наверняка двадцатипятилетней давности занавеска, некогда зеленая, а ныне посеревшая с тоски по солнечным лучам.

У окна стоял все тот же черный стол, обитый сукном, некогда тоже зеленым, а сейчас попросту грязным. На столе — громоздкая черная чернильница с громоздкой черной песочницей, наглухо вделанные в одну подставку, пара медных подсвечников для сальных свечей, которых уже давно не жгли, и стальные щипцы, которыми уже давно не снимали нагара. Железная кровать с жиденьким тюфячком, над нею — никогда не бывшая в употреблении двустволка, под кроватью — гитара в футляре, напоминавшем детский гробик, далее узкий, обитый кожей диванчик, два стула, тоже обитые кожей, большой жестяной таз и шкафчик темно-вишневого цвета — такова была меблировка комнаты, которая из-за своей продолговатой формы и постоянно царившего здесь полумрака скорее, пожалуй, походила на склеп, чем на жилое помещение.

Точно так же, как комната, не изменились за четверть века и привычки пана Игнация. Утром он просыпался всегда в шесть часов; с минутку прислушивался, идут ли часы, лежащие на стуле, и бросал взгляд на стрелки, которые в этот миг вытягивались в одну прямую линию. Он предпочел бы подняться спокойно, без суеты; но, так как холодные ноги и слегка окоченевшие руки не вполне подчинялись его воле, он разом срывался с постели, выскакивал на середину комнаты и, швырнув на одеяло ночной колпак, бежал к печке, где стоял большой таз, в котором он мылся с головы до ног, причем ржал и фыркал, словно одряхлевший рысак благородных кровей, которому вспомнились скачки.

Совершив обряд омовения, он растирался мохнатым полотенцем и бормотал, любуясь своими тощими икрами и заросшей грудью:

— А я таки обрастаю жирком!

В это мгновение неизменно прыгивал с диванчика старый пудель Ир с выбитым глазом и, энергично встряхнувшись, по-видимому чтобы сбросить с себя остатки сна, начинал скрестись в дверь, за которой кто-то неумоимо раздувал самовар. Жецкий, не переставая торопливо одеваться, выпускал пса, здоровался со слугой, доставал из шкафа чайник, застегивал манжеты, путаясь в петлях, выбегал во двор посмотреть, какова погода, обжигаясь, глотал чай, причесывался, не глядя в зеркало, и в половине седьмого был уже совершенно готов.

Проверив, есть ли у него на шее галстук, а в карманах — часы и кошелек, пан Игнаций доставал из стола большой ключ и, слегка сутулясь, торжественно отпирал заднюю дверь магазина, обитую жостью. Вдвоем со слугой входили они туда, зажигали несколько газовых рожков, и, пока слуга подметал пол, пан Игнаций, надев пенсне, просматривал в блокноте расписание занятий на день.

— Внести в банк восемьсот рублей, ага... Отослать в Люблин три альбома и дюжину кошельков... Вот-вот! Перевести в Вену тысячу двести гульденов... Получить на вокзале прибывший груз... Отчитать кожевника, почему не доставил чемоданов... Пустяки! Стасю написать письмо... Пустяки!

12 Дочитав до конца, он зажигал еще несколько рожков и при их свете производил осмотр товаров на застекленных полках и в шкафах.

— Запонки, булавки, кошельки... хорошо... Перчатки, веера, галстуки... Порядок... Трости, зонты, саквояжи... А тут альбомы, несессерчики... Голубой вчера продали, ясное дело! Подсвечники, чернильницы, пресс-папье... Фарфор... Хотел бы я знать, зачем повернули эту вазу? Конечно... нет, не треснула... Куклы с волосами, театр, карусель... Завтра же надо будет выставить в витрине карусель, а то фонтан уже примелькался... Пустяки! Скоро восемь... Готов пари держать, что первым явится Клейн, а последним Мрачевский. Ясное дело!.. Познакомился с какой-то гувернанткой и уже успел купить ей несессерчик в кредит и со скидкой... Ясное дело... Лишь бы не начал покупать без скидки да на чужой счет...

Так бормоча, Жецкий ходил по магазину, сутулясь и засунув руки в карманы, а за ним ходил его пудель. Время от времени он останавливался и осматривал какую-нибудь вещь, тогда пес присаживался на полу и скреб задней лапой свои густые лохмы, а выставленные рядами куклы, маленькие, средние и большие, брюнетки и блондинки, глядели на них из шкафа мертвыми глазами.

Заскрипела входная дверь, и показался Клейн, тщедушный приказчик с грустной улыбкой на посиневших губах.

— Ну вот, я так и знал, что вы явитесь первым. Добрый день! — сказал пан Игнаций. — Павел! Гаси свет и открывай магазин.

Слуга вбежал тяжелой рысью и завернул газ. Минуту спустя раздался скрежет засовов, лязг болтов, и в магазин вторгся день — единственный посетитель, который никогда не подводит купца. Жецкий уселся за конторку у окна, Клейн занял свое место возле фарфора.

— Что, хозяин еще не возвращается, не получали вы письма? — спросил Клейн.

— Я жду его в середине марта, самое позднее через месяц.

— Если его не задержит новая война.

— Стась... — начал Жецкий и тут же поправился: — Пан Вокульский пишет мне, что войны не будет. 13

— Однако же ценные бумаги падают, а сегодня я читал, что английский флот вошел в Дарданеллы.

— Это ничего не значит, войны не будет. Впрочем, — вздохнул пан Игнаций, — какое нам дело до войны, в которой не будет участвовать Бонапарт!

— Ну, песенка Бонапартов спета.

— В самом деле?.. — иронически усмехнулся пан Игнаций. — А ради кого же это Мак-Магон и Дюкро готовили переворот в январе?.. Поверьте мне, Клейн, бонапартизм — это могучая сила!

— Есть еще сила побольше.

— Какая? — вознегодовал пан Игнаций. — Уж не Гамбеттова ли республика? Или Бисмарк?

— Социализм, — шепнул тщедушный приказчик, укрываясь за горкой фарфора.

Пан Игнаций укрепил на носу пенсне и привстал с кресла, словно собираясь одним ударом сокрушить новую теорию, противоречившую его воззрениям, но намерению его помешал приход второго приказчика, с бородкой.

— А, мое почтение, пан Лисецкий! — обратился он к вновь прибывшему. — Холодно сегодня, не правда ли? Который это час на улице? А то мои часы, кажется, спешат. Ведь еще нет четверти девятого?

— Ах, как остроумно!.. Ваши часы всегда спешат по утрам и отстают вечером, — едко возразил Лисецкий, вытирая заиндеветшие усы.

— Держу пари, что вы вчера играли в преферанс.

— Само собою. А вы как думаете — круглые сутки развлекать меня видом вашей галантереи и ваших седых волос?

— Ну, сударь мой, я уж предпочитаю просесть, нежели плешь, — обиделся пан Игнаций.

— Остроумно!.. — прошипел Лисецкий. — Моя плешь, если кто ее и разглядит, — плод печальной наследственности, а вот ваша седина и брюзгливый характер — плоды

14 преклонного возраста, который я готов, конечно, всячески уважать...

В магазин вошла первая покупательница в салопе и ша-ли и потребовала медную плевательницу. Пан Игнаций очень низко ей поклонился и предложил стул, а Лисецкий исчез за шкафами и, вскоре вернувшись, протянул посетительнице требуемую вещь исполненным достоинства жестом, затем написал цену плевательницы на квитанции, через плечо подал ее Жецкому и удалился за полки с видом банкира, который пожертвовал на благотворительные цели несколько тысяч рублей.

Спор о плеши и седине остался неразрешенным.

Только к девяти в магазин вошел, вернее влетел, Мрачевский, великолепный блондин лет двадцати трех: глаза — как звезды, губы — как вишни, усики — как смертоносные кинжалы. Он вбежал, за ним неслась волна благо-вония.

— Честное слово, уже, наверное, половина десятого! Я ветрогон, я шалопай, ну, наконец, я мерзавец, — но что поделаешь, если мать заболела и мне пришлось бежать за доктором. Я был у шести...

— Не у тех ли, которым вы дарите несессеры? — спросил Лисецкий.

— Несессеры? Нет. Наш доктор не взял бы даже булавки. Почтеннейший человек... Не правда ли, пан Жецкий, уже половина десятого? У меня остановились часы.

— Скоро девять, — отчеканил пан Игнаций.

— Только девять? Ну, кто бы мог подумать! А я соби-рался прийти сегодня в магазин первым, раньше Клейна...

— Чтобы уйти еще до восьми, — ввернул Лисецкий. Мрачевский устремил на него голубые глаза с видом величайшего изумления.

— Откуда вы знаете? — воскликнул он. — Ну, честное слово! У этого человека дар ясновидения! Как раз сегодня, честное слово... мне необходимо быть в городе около семи, хотя бы мне грозила смерть, хотя бы... меня уволили...

— С этого вы и начните, — взорвался Жецкий, — и бу-дете свободны к одиннадцати, даже сию минуту, пан Мра-

чевский. Вам бы графом быть, а не приказчиком, 15
и я удивляюсь, как вы с самого начала не выбрали
себе этой специальности. Тогда, пан Мрачевский, у вас
было бы вдоволь свободного времени! Кажется, ясно!

— Положим, и вы в его годы бегали за юбками, — вступился Лисецкий. — Чего уж там мораль разводить!

— Никогда я не бегал! — крикнул Жецкий, стукнув кулаком по конторке.

— По крайней мере, хоть раз проболтался, что всю жизнь был растяпой, — буркнул Лисецкий Клейну, который улыбнулся и чрезвычайно высоко поднял брови.

В магазин вошел второй покупатель и попросил калоши. Навстречу ему выбежал Мрачевский.

— Вам, сударь, калоши угодно? А номерок какой, осмелюсь спросить? Ах, вы, сударь, наверное, не помните! Не у каждого есть время подумать о номере своих калош, это уж наша забота. Разрешите, сударь, примерить? Соболагодите присесть на табурет. Павел! Принеси полотенце, сними с господина калоши и оботри башмаки...

Прибежал Павел с тряпкой и бросился к ногам покупателя.

— Да что вы... да как же... — лепетал оторопевший посетитель.

— Помилуйте, ради бога! — частил Мрачевский. — Это наша обязанность. Вот эти, кажется, подойдут, — говорил он, подавая пару калош, связанных ниткой. — Великолепно, выглядят прелестно. У вас, сударь, нога до того нормальная, что никак не ошибешься номером. Не угодно ли букочки, какие, сударь, позволите?

— Л.П., — буркнул покупатель, чувствуя, что тонет в потоке красноречия услужливого приказчика.

— Пан Лисецкий, пан Клейн, будьте добры прикрепить буквы. Старые калоши прикажете завернуть? Павел, вытри калоши и заверни в бумагу. Но вам, сударь, может быть, не угодно таскать лишнюю тяжесть? Павел! Брось калоши в ящик... С вас, сударь, два рубля пятьдесят копеек. Калоши с буквами, сударь, вам никто не подменит, а то ведь мало радости вместо нового товара найти дырявые